

А. П. ВОЛОДИН (Ленинград), В. С. ХРАКОВСКИЙ (Ленинград)

ТИПОЛОГИЯ ИМПЕРАТИВА В ФИННО-УГОРСКИХ И САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ*

Традиционное воззрение на императив, выработанное языкознанием и закрепленное в описательных грамматиках самых различных языков, состоит в том, что императив представляет собой одно из косвенных наклонений глагола, противопоставляемых прямому наклонению — индикативу (см. схему 1).

Схема 1

наклонение	
прямое: индикатив	косвенное: императив конъюнктив кондиционалис потенциалис оптатив и т. д.

Эта схема отнюдь не бесспорна. Многие видные лингвисты (Р. Якобсон, В. В. Виноградов, У. Вейнрейх) уже неоднократно указывали на то, что императив имеет иную природу сравнительно с другими наклонениями. Отталкиваясь от учения К. Бюлера о языковых функциях, мы полагаем, что императив в сфере глагола (как и вокатив в сфере имени), в отличие от всех других наклонений, является средством апеллятивного общения. Если рассматривать категорию наклонения с этой точки зрения, то представляется правомерным следующее членение данной категории:

Схема 2

наклонение	
апеллятивное общение: императив	неапеллятивное общение: неимператив (индикатив, конъюнктив, кондиционалис, потенциалис, оптатив и т. д.)

Императив требует ответной неречевой реакции (исполнитель должен выполнить действие, названное говорящим в словоформе императива), тогда как неимператив рассчитан именно на речевую реакцию. Речевая реакция предполагает постоянный обмен ролями между говорящим и слушающим; неречевая реакция предполагает жесткую закрепленность ролей между говорящим, слушающим и исполнителем. Поэтому формы императива имеют специфическую содержательную струк-

* Дополненный текст доклада на VI международном конгрессе финно-угроведов 1985 г. (г. Сыктывкар).

туру (подробнее об этом см. Володин, Храковский 1983). В плане выражения императив характеризуется целым рядом особенностей, отличающих его от неимператива.

Известны языки, в которых глагол не имеет личного спряжения в неимперативе, тогда как в императиве изменяется по лицам (например, бирманский, лезгинский, монгольский, нивхский, некоторые языки аборигенов Южной Америки). Если же личное спряжение есть как в императиве, так и в неимперативе, то личные показатели императива и неимператива материально различны. Парадигмы императива и неимператива имеют принципиально разное устройство: центральные формы императивной парадигмы — формы 2-го лица, тогда как для неимператива это чаще всего формы 3-го лица (например, в финно-угорских и самодийских языках, где форма 3-го лица неимператива имеет нулевую маркировку). Показатели отрицания у императива и неимператива зачастую материально различны (это подтверждается, в частности, данными финно-угорских и самодийских языков). Императив входит в число обязательных членов категории наклонения: есть языки, где наклонение представлено дихотомией индикатив/императив (в частности, пермские, хантыйский). Перечисленные факты, по нашему мнению, подтверждают адекватность схемы 2, в которой императив противопоставлен неимперативу.

Обратимся к конкретному материалу финно-угорских и самодийских языков, а точнее — к их описаниям.

Императив — единственное из глагольных наклонений, состав парадигмы которого нестабилен в описаниях разных финно-угорских и самодийских языков. Это же характерно для описаний других языков, а также для разных описаний одного и того же языка. Например, в русском языке разными авторами выделялись парадигмы четырех типов, включающие от двух до восьми личных форм. В традиции описания финно-угорских и самодийских языков, насколько можно судить по имеющейся литературе, явной дискуссии о составе императивной парадигмы в том или ином конкретном языке еще не возникало, однако обращает на себя внимание то, что при наличии полных парадигм в неимперативе (6 или 9 лично-числовых форм — последнее в том случае, если различаются единственное, двойственное и множественное числа) — парадигма императива по составу обычно меньше. Сопоставление данных по всем финно-угорским и самодийским языкам дает следующую картину.

1) Императивная парадигма равна по составу неимперативной — шесть личных форм (ед. и мн. число): эстонский (Wiedemann 1875 : 466—468)¹, ливский, водский и венгерский языки; или девять личных форм (ед., дв. и мн. число): саамский язык (напр., норвежско-саамский литературный язык) (Itkonen 1969 : 60—61, 63, 65—66)².

2) Императивная парадигма не имеет формы 1 л. ед. числа — пять личных форм: финский и вепсский языки.

3) Императивная парадигма состоит из форм 2-го и 3-го лица — четыре личные формы (ед. и мн. число): карельский, ижорский, марийский языки; или шесть личных форм (ед., дв. и мн. число): самодийские языки (ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский).

4) Императивная парадигма состоит только из форм 2-го лица — две личные формы (ед. и мн. число): мордовские языки, пермские языки; или три личные формы (ед., дв. и мн. число): хантыйский и мансийский языки.

¹ Позднее в литературе приводилось пять личных форм.

² В саамских диалектах встречаемость колеблется: чаще других не фиксируются 1 л. ед. ч., 1 л. как ед., дв., так и мн. ч., 3 л. дв. ч. (Korhonen 1967 : 27—95).

Подобный разнотип вызван как семантическими, так и формальными причинами. Семантические соображения, в описательных грамматиках обычно не высказываемые в эксплицитной форме, состоят в том, чтобы определить, кто именно может быть исполнителем действия, каузируемого говорящим с помощью словоформы императива. Довольно широко распространено мнение, что исполнителем каузируемого действия может быть только слушающий (слушающие) и более никто. Такой подход ограничивает императивную парадигму формами 2-го лица. Если же исходить из того, что исполнителем могут быть не только слушающий/слушающие, но и сам говорящий, и лицо/лица, не участвующие в речевом акте, а также любая комбинация перечисленных лиц — то парадигма императива должна будет включать как минимум столько же лично-числовых форм, что и парадигма неимператива (или больше, ср. Lehfeldt 1981). Однако здесь при описании конкретного языка включается, так сказать, «формальный фильтр». Существуют некоторые формальные критерии выделения частных парадигм, например, парадигмы того или иного наклонения. Как и содержательные, эти критерии обычно не оговариваются эксплицитно, но им следуют достаточно строго. Согласно этим критериям, частная парадигма должна а) быть формально однородной, б) не включать форм, омонимичных формам других парадигм, в) не включать аналитических форм. При описании финно-угорских и самодийских языков критерии (а) и (б) выдерживаются без труда, поскольку указанные языки обладают достаточно разветвленной и богатой морфологией. Что же касается критерия (в), то аналитические формы традиционно выделяются в парадигмах сложных глагольных времен (типа перфекта и плюсквамперфекта) и отрицательных форм, в парадигму же императива они обычно не включаются. Только в описаниях водского и ливского языков (прибалтийско-финская группа) встречаются аналитические императивные формы 1-го и 3-го лица, образуемые сочетанием частицы вод. *ла*, лив. *laz/las* и соотносительных личных форм презенса индикатива. Так, описание водского языка (Адлер 1966) содержит две императивные парадигмы — одна включает четыре формы (2 и 3 л.) (приведена парадигма глагола *елла* 'быть'; Адлер 1966 : 128); другая, помимо перечисленных, включает также аналитические формы 1-го лица: *jō* 'пей', *jōkā* 'пейте', *jōkō* / *ла jōv* 'пусть пьет', *jōkō* / *jōkōv* / *ла jōvar* 'пусть пьют', (*ла*) *jōmta* 'пусть мы попьем', *ла jōp* 'пусть я попью' (Адлер 1966 : 131). По происхождению аналитические формы являются индикативными, что подтверждается сопоставлением с формами прохитива; *ла en jō* 'пусть я не попью', ср. *en jō* 'я не пью', *ла emtä jō* 'пусть мы не попьем', ср. *emtä jō* 'мы не пьем' — используется неимперативный отрицательный глагол, тогда как в формах императива отрицательный глагол иной, ср. *elä jō* 'не пей' — *ed jō* 'не пьешь', *elkō jōkō* 'пусть не пьет' — *eb jō* 'не пьет'. Такие же аналитические формы императива имеются и в эстонском языке: 1 л. *las ma lähen* 'пусть я пойду', 3 л. *las ta läheb* 'пусть он идет', причем употребляются и простые формы: 1 л. *ma mingu*, *ma ärgu mingu*, 3 л. *ta mingu* и т. д.

На этих примерах демонстрируется формальная неоднородность императивной парадигмы, присущая не только финно-угорским и самодийским языкам. Как показывают типологические изыскания, императивная парадигма обычно состоит из первичных, собственно императивных, форм и вторичных форм, которые втянуты в императивную парадигму из других частных парадигм. Для ливского языка первичны формы 2-го и 3-го лица, а аналитические с частицей *ла* следует трактовать как вторичные. Полностью однородные, т. е. состоящие только из первичных форм императивные парадигмы встречаются довольно редко (например, в чукотско-камчатских языках).

Разные по составу императивные парадигмы, выделяемые в разных описаниях финно-угорских и самодийских языков, отражают объем первичных императивных форм. Эти редуцированные (иногда до минимума в две формы) парадигмы могут быть дополнены за счет других частных парадигм. Данные разноструктурных языков свидетельствуют, что обычно это парадигмы опатива (побудительного наклонения), конъюнктива или индикатива (презенса или футурума); для конструирования аналитических форм широко используются также каузативные глаголы.

В эстонском, водском и ливском языках, как отмечено, парадигма императива дополняется за счет индикативных по происхождению форм. В мордовских языках двучленная парадигма императива, очевидно, может быть дополнена за счет форм побудительного наклонения. Для самодийских языков первичными формами императива являются формы 2-го и 3-го лица; вместе с тем в этих языках выделяется также побудительное наклонение. Например, в нганасанском парадигма этого наклонения включает только формы 1-го лица и «эти формы как бы восполняют тот пробел, который имеет глагол в повелительном наклонении» (Терещенко 1979 : 216). В последнем описании селькупского языка (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980) встречается ранее не выделявшийся опатив (до этого трактовался как футурум индикатива); формы 1-го лица опатива употребляются как императивные, на что прямо указывают авторы.

В ненецком языке, по последним полевым данным одного из авторов (таймырская экспедиция 1985 г.), парадигма императива состоит из девяти лично-числовых форм, т. е. равна по составу неимперативной. Информанты дают 9-членную парадигму императива без всякого труда. Приводим ее в сопоставлении с соотносительными формами лично-числовой парадигмы неимператива (индикатив, будущее время)³:

	императив		индикатив
1.	<i>tu?</i> 'приди'		<i>totan</i> 'придешь'
2.	<i>tuodi</i> 'придите (дв.)'		<i>tūtadi</i> 'придете (дв.)'
3.	<i>tuoda?</i> 'придите (мн.)'		<i>tūtada?</i> 'придете (мн.)'
4.	<i>tūja</i> 'пусть придет'		<i>tot(a)</i> 'придет'
5.	<i>tujixi?</i> 'пусть придут (дв.)'		<i>totaxa?</i> 'придут (дв.)'
6.	<i>tūja?</i> 'пусть придут (мн.)'		<i>tota?</i> 'придут (мн.)'
7.	<i>toxonī</i> 'давай придем (дв.)'		<i>tūtani</i> 'придем (дв.)'
8.	<i>toxova?</i> 'давай придем (мн.)'		<i>tūtava?</i> 'придем (мн.)'
9.	<i>toxodm</i> 'приду-ка я'		<i>totadm</i> 'приду'

Сопоставление ненецких парадигм императива и индикатива отчетливо показывает границу между первичными и вторичными императивными формами. Вторичные формы 1-го лица, т. е. формы 7—9, имеют личные показатели, совпадающие с индикативными. В описаниях ненецкого языка они трактуются как формы побудительного наклонения (см., напр., Терещенко 1966 : 388).

Построение наивозможно полной императивной парадигмы — не самоцель, а стремление к более адекватному описанию языковых фактов. Если императивная парадигма в том или ином языке состоит только из двух (центральных) форм 2-го лица (типа *уйди/уйдите*) — это отнюдь не значит, что средствами этого языка нельзя «отдать приказ» лицу, не участвующему в речевом акте (*пусть уйдет/пусть уйдут*) или обоим участникам речевого акта (*уйдем/те*) и т. д. В качестве примера со-

³ Ненецкие словоформы приведены не в практической орфографии, а в фонетической записи, которой мы пользовались в поле. Воспроизведен идиолект информанта А. И. Неяннг.

шлемся на данные коми языка. Согласно работе В. И. Лыткина (1966), парадигма императива состоит из двух форм: *мун* 'уходи', *мунӧй* 'уходите'. В описании 1955 г. (Современный коми язык) к ним добавлена форма совместного действия: *мунамӧй* 'идемте'; таким образом, парадигма императива включает уже три формы. В тексте упоминаются аналитические формы 3-го лица, образуемые частицей *мед(ым)* и соотносительной формой настоящего или будущего времени индикатива. Таким образом, можно говорить о 5-членной парадигме императива в коми языке. Нет сомнения, что в последнем существуют и средства для выражения самоприказания (типа *дай/те уйду*).

В заключение рассмотрим ситуацию в финском языке. В исследовании, посвященном финскому императиву (Leskinen 1970), указывается, что сопоставление данных разных грамматик дает достаточно пеструю картину, главным образом, в отношении форм 1-го лица. Форму 1-го лица ед. числа императива для финского языка выделять было не принято; лишь в грамматиках Коллана и Эурена (конец первой половины XIX в.) отмечаются формы типа *tuokan* 'принесу-ка я', *sanokan* 'скажу-ка я' (цит. по Leskinen 1970 : 27, 29). Эти формы, ставшие известными после опубликования «Калевалы» и «Кантелетар», уже в XIX в. были архаичными, в живом языке не употреблялись и в последующие описания финского императива совершенно справедливо не включались. Парадигма императива, приводимая в грамматике Эурена, в сущности, представляет собой реконструкцию, однако надо подчеркнуть, что это была формально однородная парадигма, состоящая только из первичных императивных форм: 1. *sano* 'скажи', 2. *sanokaatte* 'скажите', 3. *sanokaan* 'пусть скажет', 4. *sanokaat* 'пусть скажут', 5. *sanokaamme* 'давай(те) скажем', 6. *sanokan* 'дай(те) скажу' (цит. по Leskinen 1970 : 29, но мы придерживаемся собственного порядка расположения личных форм императива).

В настоящее время финская императивная парадигма описывается как 5-членная. Начиная с грамматики Э. Н. Сетяля (1898) она практически остается без изменений: 1. *sano* 'скажи', 2. *sanokaa* 'скажите', 3. *sanokoon* 'пусть скажет', 4. *sanokoot* 'пусть скажут', 5. *sanokaamme* 'давай(те) скажем'. На месте формы 6 (т. е. формы 1 л. ед. ч.) все финские грамматики дают пропуск.

В грамматике А. Пенттиля (1957) форма 5 дается в двух вариантах: *saakaamme, saadaan* 'давай(те) получим'. Констатируя сложившуюся в современном финском языке ситуацию, А. Пенттиля указывает, что формы типа *saakaamme* (первичные императивные) вытесняются формами типа *saadaan* (вторичными императивными, которые по происхождению являются формами имперсонала — безличного пассива). Это подтверждают данные информантов: в качестве соответствия русским словоформам типа *пойдем/те* они дают формы *mennään, lähdetään*, а не **menkäämme, *lähtekäämme*. Таким образом, современная парадигма императива в финском языке имеет вид: 1. *mene* 'иди', 2. *menkää* 'идите', 3. *menköön* 'пусть идет', 4. *menkööt* 'пусть идут', 5. *mennään* 'давай(те) пойдем'.

Отсюда следует, что первичными (собственно императивными) в современном финском языке являются только формы 2-го и 3-го лица. Формы 1-го лица, когда-то входившие в императивную парадигму как первичные, утрачены. Однако необходимость выразить соответствующее содержание отнюдь не исчезла с утратой форм — в языке выработаны новые способы выражения этого содержания. Для формы совместного действия (или 1 л. мн. ч.) используется форма имперсонала, отмечаемая в современных грамматиках; что же касается формы 1 л. ед. ч., то, по показаниям информантов, для этой цели используется аналитическая

конструкция с каузативным глаголом *antaa*: *anna kun minä menen* 'дай я уйду', *antakaa kun minä menen* 'дайте я уйду'. По нашему мнению, есть все основания включать подобного рода конструкции в финскую императивную парадигму на правах аналитических форм 1 л. ед. ч. Можно полагать, что эти формы, как и эстонская, ливская, водская конструкции с *las*, *laz/las*, *la*, складывались под воздействием контактов с окружающими индоевропейскими языками: конструкция с *anna/antakaa* полностью аналогична конструкциям с швед. *låta*, нем. *lassen*, рус. *дай(те)/давай(те)*, латыш. *lai* — перечисленные глаголы в этих языках являются маркерами императива.

Описательные грамматики конкретных языков, как правило, ориентированы от формы к значению. Такой подход вполне оправдан и, по видимому, даже единственно возможен на этапе первичного описания ранее не известных науке языков. Предлагаемая концепция императива ориентирована от значения к форме. Подобный подход отнюдь не отменяет первый, но является его существенным и необходимым дополнением. Грамматическое описание от формы к значению представляет собой моделирование речевой деятельности слушающего, тогда как описание от значения к форме — моделирование речевой деятельности говорящего (ср. Храковский 1985). Анализ материала финно-угорских и самодийских языков с этих позиций позволит, на наш взгляд, кардинально уточнить и углубить наши представления о структуре глагола в этих языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Адлер Э. 1966, Водский язык. — Языки народов СССР. Т. 3, Москва, 118—137.
 Вейнрейх У. 1970, О семантической структуре языка. — Новое в лингвистике. Вып. 5, Москва, 163—249.
 Виноградов В. В. 1938, Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 2, Москва.
 Володин А. П., Храковский В. С. 1983, Парадигма императивных форм (опыт исчисления) — Грамматические и лексико-семантические проблемы описания языка, Тарту (TRÜT 651), 3—20.
 Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980, Очерки по селькупскому языку, Издательство МГУ.
 Лыткин В. И. 1966, Коми-пермяцкий язык. — Языки народов СССР. Т. 3, Москва, 300—315.
 Современный коми язык. Под ред. В. И. Лыткина, Сыктывкар 1955.
 Терещенко Н. М. 1966, Ненецкий язык. — Языки народов СССР. Т. 3, Москва, 376—395.
 — 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
 Храковский В. С. 1985, Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики. — Проблемы функциональной грамматики, Москва, 65—77.
 Bühler, K. 1934, Sprachtheorie. Jena.
 Itkonen, E. 1969, Lappische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und Wörterverzeichnis, Helsinki.
 Jakobson, R. 1932, Zur Struktur des russischen Verbuns. — Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario ... oblata, Prague.
 Korhonen, M. 1967, Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung I. Die finiten Formkategorien, Helsinki (MSFOu 143).
 Lehfeldt, W. 1981, К определению множества словоформ повелительного наклонения в современном русском литературном языке. — Russian Linguistics 5, 267—285.
 Leskinen, H. 1970, Imperatiivin muodostus itämerensuomalaisissa kielissä I. — Suomi 115:2, Helsinki.
 Penttilä, A. 1957, Suomen kielioppi, Porvoo.
 Setälä, E. N. 1898, Suomen kielioppi. Aänne- ja sanaoppi, Helsinki.
 Wiedemann, F. J. 1875, Grammatik der Ehstnischen Sprache, zunächst wie sie in Mittelehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte, St.-Petersbourg.

A. P. VOLODIN (Leningrad),
V. S. CHRAKOVSKIJ (Leningrad)

**THE TYPOLOGY OF THE IMPERATIVE IN THE
FINNO-UGRIC AND SAMOYED LANGUAGES**

The imperative is the only mood of the verb that has an unstable paradigm in different Finno-Ugric and Samoyed grammars. On the basis of the conception of the imperative elaborated by the authors, according to which the imperative, in the context of the mood, is opposed to the non-imperative, it is claimed that the imperative paradigm in Finno-Ugric and Samoyed is not formally homogeneous. It consists of primary forms (the imperative itself) and secondary forms drawn into the imperative paradigm from other special paradigms (optative, indicative, conjunctive); analytical forms with causative verbs are also widely used as secondary forms. The article includes numerous examples from the various Finno-Ugric and Samoyed languages.